

ИЗ ТВОРЧЕСТВА ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА ФРАНКО ПЛАМЕННОЕ СЛОВО ВЕЛИКОГО КАМЕНЯРА

КАМЕНОЛОМЫ

Я видел страшный сон. Казалось, предо мною
Необозримые раскинулись края,
А я стою в цепях над площадью глухой,
Под высочайшею гранитною скалою,
И рядом тысячи похожих на меня.

И каждое чело невзгоды жизни взрыли,
У каждого в глазах огонь любви горит,
И каждого из нас оковами сдавили,
И плечи мы свои под тяжестью склонили,
И некий страшный груз — один — всех

тяготит.

У каждого в руках железный тяжкий молот,
И голос прозвучал, как будто гром в горах:
«Врубайтесь в горный склон! Да не смутит

вас голод,

И жажда, и труды, и душный зной, и холод!
Дано вам превратить скалу вот эту в прах!»
Мы все тогда слились как бы в одном

дыханы,

Взлетели молоты, раздался грозный стон;
Отчаянье сильны, гранит железом рван,
Мы с тысячи сторон его дробили грани,
И камни брызнули на тысячи сторон.

Как водопада рев, как гул и клики боя,
Так наши молоты гремели каждый раз;
Мы медленно вели дорогу пред собою,
Хоть не один из нас раздавлен был горюю,
Но удержать ничто уже не смело нас,
И каждый твердо знал, что славы нам

не будет,

Что люди предадут забвенью страшный труд,
Что лишь тогда пройдут дорогой этой люди,
Когда сквозь скалы путь пробьют им наши

груды

И наши кости здесь, среди камней, сгниют.

Но не герои мы, и ни в какие годы
За славою не гнались. Один лишь зная гнет,
По воле собственной оковы и невзгоды
Мы сами выбрали — невольники свободы:
Каменоломы там, где к правде путь пройдет.

И всем нам верилось, что нашими руками
Мы разобьем скалу и камни раздробим;
Что кровью собственной, своими костяками
Дорогу укрепим, и в новый день за нами
Иная жизнь придет, и станет свет иным.

Мы знали хорошо, что там, на дальнем свете,
Который мы навеки покинули для мук,
Горюют об отцах и матери, и дети,
Что недруг нас клянет за труд и мысли эти,
Что нас за них клянет и самый близкий друг.

Мы знали, и не раз душа у нас болела,
В тоске сжималась грудь, и сердце страх

терзал,

Но раны жгучие измученного тела,
Но смех и клевета не помешали делу,
И молота никто из рук не выпускал.

Вот так мы все идем, в одно мечтою слиты,
А молоты в руках, и думается нам:
Пусть мы прокляты и светом позабыты,
Но мы дробим скалу, готова путь открытый
Счастливицам, что пройдут по нашим костякам.
1878.

«Мы любим великий русский народ и желаем
ему всяческого добра, любим и изучаем его язык
и читаем на этом языке... И русских писателей,
великих светочей в духовном царстве, мы знаем
и любим... Мы любим в русской духовной со-
кровищнице драгоценные золотые зерна, но от-
личаем их от мякины, от шлака, от плодов тем-
ноты... И в этом мы чувствуем себя солидар-
ными с лучшими сынами русского народа».

Иван ФРАНКО.

ДУМЫ ПРОЛЕТАРИЯ

На суде

Судите, судьи, вы меня
Не милостью фальшивой!
Не думайте, что кину я
Дорогу «печистивую»,
Не думайте, что голову
Сейчас склоню в смиреньи я,
Что вверюсь вашей доброте
Хоть на одно мгновенье я.

Судите безбоязненно, —
Ведь вы сильны, вы знаете!
Судите без стыда, — ведь стыд
Вы с цепи не спускаете;
Судите, как закон велит,
Еще добавьте тяжести,
Одной машины колесо —
Закон и вы: буда ж идти!

Но об одном прошу я вас,
Скажите ясно, смело вы:
В чем я, и те, кто здесь со мной,
Винновны, что мы сделали?
Скажите ясно: «Это все
Изменники! Они хотят
Переменить, преобразить,
Разбить общественный уклад!»

Еще скажите, а зачем
Хотят разрушить этот строй?
Затем, что властвует богач
И гнется труженик немой;
Еще скажите, что честный труд
Унижен вами, оскорблен,
Хоть весь общественный уклад
Содержит, оживляет он;

Затем, что тунейцы пот
И кровь рабочую сосут;
Затем, что с кафедр, с алтарей
Не ясный свет — потемки льют;
Затем, что льют живую кровь
Для прихоти царей, господ;
Живут, как боги, палачи,
И хуже пса — бедняк живет.

Еще скажите, как ваш строй
Решили переделатъ мы?
Не силою оружия,
Огня, железа и войны,
А правдой, творческим трудом,
Наукой. Если же война
Кровавая поднимется —
Не наша будет в том вина.

Еще скажите, кто из вас
Посмеет отказать нам в том,
Что правду все мы говорим,
Что прямо, честно мы идем
За истиной... Скажите все,
Мы все сумеем вынести,
Тогда «закона» именем
Верните суд без милости!
1880.

Товарищам из тюрьмы

Рвутся старые наши оковы,
Что привыкли мы в жизни

носить!

Расковаться и мысли готовы —
Будем жить, братья, будем мы

жить!

Будем жить жизнью новой
И полной,
Добрых чувств согреваясь огнем:
По бурливому и сумрачному волнам
Мы к счастливым краям

поплывем.

Через волны несчастья и рабства,
Мимо бурь ослепленных речей
В край святой поплывем мы, где
Братство

людей.

И согласье живут меж людей.

К битвам новым лежит нам
дорога —
Не за царство тиранов, царей,
Не за перковь, попов или бога,
Не за власть кровопийц-богачей.

Наша цель — это счастье людское,
Светлый разум без веры в богов,
Братство крепкое и мировое
И свободные труд и любовь!

Нужно твердо в бою нам
держаться,
Не смущаясь, что пал первый ряд,
Хоть по трупам вперед

продвигаться,

Ни на шаг не ступая назад.

Это бой наш последний. Тут
в споре
Человек против зверя встает,
Тут свобода неволю поборет,
«Царство божье» на землю сойдет.

Но просить мы не станем у бога:
«Да придет к нам царство
твое!» —
Там молитва плохая подмога,
Где лишь разум крепит бытие,
Даст не бог это царство нам

сразу,

Не святые с небес придут,
Утвердит его властный наш

разум,

Наша воля и общий наш труд.
1878.

«По дороге из Борислава в Дрогобыч». Иллюстрация художника
С. Ф. Адамовича к повести Ивана Франко «Борислав смеется».

КАК ТАМ НА НЕБЕ?

Два святых отца однажды
Собрались за чаркой
И вдвоем сидели ночью
За беседой жаркой.

Перебрали все, что было
Им кругом известно,
И от дел мирских, греховных
Перешли к небесным.

«Вот в писании не пишут
И не знают люди,
Что там праведным на небе
После смерти будет?»

«Не выдано того глазом,
Не слышано ухом...» —
Это, если молвить правду,
И темно, и сухо.

Вот и думаю я, отче, —
Прости меня, боже, —
То, к чему стремится каждый
И достичь не может,

Те святые мир и братство,
При которых люди
Воедино все сольются, —
Вот в раю что будет!»

Тут другой: «Ой, вы избрали
Скользкую дорогу!
Вам социализм приснился,
Неудобный богу.

Нет, не может коммунизма
Быть на небе, отче,
Ибо личная свобода —
Дар превыше прочих!»

Должен каждый жить, как хочет,
Избирать свой жребий,
И чтоб сам себе хозяин
Каждый был на небе!»

«Ой, отец! — промолвил первый, —
Впрямь, чудак вы истый!
Если посмотреть, вы бога
Вперли в анархисты.

Если только людям волю
Бог на небе дал бы,

Безусловно он из рая
В тот же день удрал бы!»

Долго, долго препирались,
Ночь в окно глядится,
Этот — равенство, тот — братство,
Где тут сговориться?

Молвил первый: «Так, пожалуй,
Век мы не споемся!
Лучше мы сейчас друг другу
Свято поклоняемся:

Кто сей свет покинет раньше,
В раю водворится,
Через три дня тот обязан
Другому присниться,

Рассказать, как там на небе,
Что нас жлет за гробом».
Поклялись — и спать сейчас же
Поплелись оба.

Минув год или полгода —
Первый умирает
И на третий день другого
Во сне навещает.

«Здравствуй, брат мой!» —
«Здравствуй, отче!» —
«Ну, я на том свете!» —
«Слава богу! Что ж, и много
Ты чудес там встретил?» —

«Очень много!» — «А какие?
Расскажи мне, отче!
Ведь постичь все тайны божьи
Любопытню очень!»

Дух в ответ: «Постичь их могут
Лишь святые души,
Не твои нужны на это
И глаза, и уши.

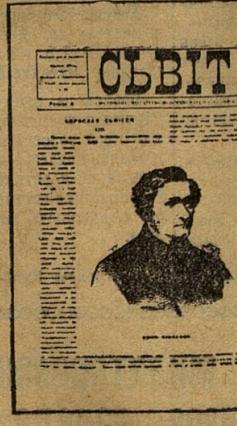
А тогда, когда мы ночью
Спор такой загнули,
То мы оба, друг любезный,
Пальцем в небо ткнули.

Там того, что мы болтали,
И в помине нету!..
Там совсем, совсем иначе...
И исчез на этом.

ДВА ПАНКА

Два панка пошли гулять.
На детяшек изможденных,
На измученную мать
Поглядели с видом сонным.
И, качая головой,
Старший рек: «Эх, голь какая!»
Но тотчас за ним второй
Возглашает: «Вот лентяя!»

«Кто лентяя?» — «Да народ!
Край родной на шик меняет.
Первый: «Нет, виноват тот,
Кто их дальше не пускает» —
«Не пускать их? Так пойдут
Все за сине море сдуру!» —
«Что ж им делать, если тут
Сообща дерем с них шкуру?»
Разлучила нас толпа.
Долго те панки в запале
И впопалд и невпопад
Про «лентяев» рассуждали.

КАМЕНЩИК

Рассказ

Ах, этот стук, этот грохот, эти
крики на улице, как раз против мо-
его окна, — они прогоняют всякую
мысль из моей головы, не дают мне
ни на минуту покоя, отрывают от ра-
боты. И некуда мне деваться, неку-
да спрятаться от этого неугомонного
шума, от этого вечно не смолкающего

сгибаются там, где который-нибудь
из них проходит. Ничем им не уго-
дить, ничто им не нравится, на все у

Рабочий, видимо, боролся с собою;
лицо его даже посинело. Наконец, не
выпрямляясь, поднял он немного го-
лову и тихо, с невыразимым презре-
нием в каждом звуке процедил:
— Мужик и будет мужиком! Не
дай, боже, из мужика пана!
Навалил на минутку словно за-

разбойник... а?
Марш отсюда, в
минуту соберайся,
него приказу вы-
швырнуть тебя!..

— Гляди, не сломай себе шею,
опришок. Добужук прокляты! —
крикнул нарядчик со стены и погро-
зил каменщику кулаком.
На другой день встал я рано и
выглянул в окно. На улице было
еще тихо. Рабочие понемногу сходи-
лись к месту постройки. Я сильно
удивился, увидев между ними про-
гнанного вчера каменщика. Заняте-
ресованный, я стал смотреть, что из
этого выйдет, когда придет наряд-
чик. Рабочие мало разговаривали
между собою, а к прогнанному и

ность, как вчера — упорное, угрю-
мое молчание.
Каменщик повесил голову, взял
подмышку свой мешок с инструмен-
тами и пошел.
Целую неделю после того видел я
поутру эту сцену на улице. Прогнан-
ный каменщик, очевидно, нигде не
мог найти работы и каждое утро
приходил просить нарядчика, чтобы
тот его взял. Но нарядчик был
тверд, как камень. Никакие мольбы,
никакие заклинания не трогали его,
и чем больше каменщик гнул и

да! — за одним столом увидел зна-
комого каменщика рядом с его за-
клятым врагом — нарядчиком. Пер-
ед каждым стояла кружка пива, до
половины отпитая.
— Ну, дай нам боже, кум! — ска-
зал каменщик, чокаясь своей круж-
кою с нарядчиком.
— Дай боже и вам! — ответил
тот тоном более ласковым, чем на
улице около работы.
Меня заинтересовала эта странная
дружба. Я спросил себе кружку пива
и сел поодаль, в другом конце ком-

так обижать бедного человека!
Кум, выпивши пиво, снова скла-
нил голову и качал ею, словно дре-
мал.
— Так уж, — заговорил несомно
каменщик, — будь милостив, а по-
недельник... того... Сам видишь, ку-
да бедному человеку деться? Неуж-
то пропадать с женою и детьми?
— А что, прикажешь дать еще
кружку? — прервал его речь наряд-
чик.
— А, и точно, и точно! Эй, еще
кружку пива!
Шляпка принесла пиво, наряд-

Я хотел бы окончить свой реферат, но
мне трудно расстаться с Франко, потому
что я так мало сказал о нем. Такая ко-
лоссальная фигура заслуживает большего
внимания, требует большей работы. Но я
был бы очень рад, если бы несколько
этих слов могли вызвать у вас интерес к
Франко, и те, кто его не читал еще, сами
бы познакомились с борцом-поэтом. Тогда
для них заговорил бы могучим голосом
сам Франко, заговорил бы не моими
бледными словами, а своим звонким,
словно кованым, словом. Тогда он раз-
вернул бы перед ними все богатство
своей души, всю красоту своего таланта и
созрел бы их огнем своего мятущегося
великого духа!
М. КОЦЮБИНСКИЙ.

О, не люби меня, родная!

О, не люби меня, родная!
Когда ты ищешь слов красивых,
И кляте, и обещаешь джигивых,
И пиршеств роскоши и страсти,
Чтоб нервы млели, дух спирало,
Кровь закипала огневая
И сердце ныло, замирало, —
Когда ты в этом видишь счастье,
То не люби меня, родная!

О, не люби меня, родная,
Когда ты хочешь жить в покое,
Как сад плодовый над рекою,
Детей растить и понемногу,
Тяжонько вывести их в люди,
Приданым дочек награждать,
Благословить невест в дорогу,
Со мною вряд ли это будет...
Нет, не люби меня, родная!

Боец я, рыбка золотая,
Простой работник твердорукий,
И ждуг меня труды и муки,
И бури ждуг меня на свете,
И, может быть, ладья потонет,
В которой плывь нам, жизнь встречая...
Но если страх тебя не тронет
И можешь взять ты весла эти, —
Тогда люби меня, родная!
1883.

ПИСЬМО ЛЮБВИ

Настанет день, давно-давно желанный:
Я вырвусь, чтобы встретиться с тобой,
Порву оковы фальши и обмана,
Наложенные изостью людской,
Порву все пути — будь они канаты!
Постыдный смиренный сброшу крест!
И докажу, что наше чувство — злато,
Которого и ржавчина не съест.

Настанет день, когда, смеясь и плача,
В твои объятия снова кинусь я,
И подтвердит мне поцелуй горячий,
Что ты — моя! что ты навеки моя!
Моя — навеки! Все исхищенна аду
Церковного нас не разделяет вновь!
Где ваши узы, люди, где преграды?
Земных преград не ведает любовь!

Все пути, все тенета, все оковы, —
Настанет миг, — любимая, порвем!
Отраву злого взгляда, злого слова
Из сердца выльем, и навеки сотрем
Малейший след убийственных обид,
Которые, как червь, нас точили.
Пусть даже мысль о них не омрачит
Счастливец — тенью вороновых крылий!

Настанет день, когда, подобно нам,
Сквозь вековечный мрак пробившись, люди
Пробудятся и, ветхий сбросив хлам,
Теснящий их, освобожденной грудью
Прижмутся к другу — друг и к брату — брат,
И расцелуются с любовью братской,
И станет страшной сказкой для ребят
Наш ветхий мир насилия и рабства.

Как водоплава рева, как гул и клики боя,
Так наши молоты гремели каждый раз;
Мы медленно вели дорогу пред собою.
Хоть не один из нас раздавлен был горою,
Но удержатъ ничто уже не смело нас.
И каждый твердо знал, что славы нам

не будет,
Что моды предадут забвенью страшный труд,
Что лишь тогда пройдут дорогой этой моды,
Когда сквозь скалы путь пробьют им наши
И наши кости здесь, среди камней, сгниют.

Но не герои мы, и ни в какие годы
За славою не знаясь. Один лишь гнет,
По воле собственной оковы и невзгоды
Мы сами выбрали — невольники свободы:
Каменоломы там, где к правде путь пройдет.

И всем нам верилось, что нашими руками
Мы разобьем скалу и камни раздробим;
Что кровью собственной, своими костями
Дорогу укрепим, и в новый день за нами
Иная жизнь придет, и станет свет иным.

Мы знали хорошо, что там, на дальнем свете,
Который мы навеки покинули для мук,
Горюют об отца и матери, и дети,
Что небреж на кланет за труд и мысли эти,
Что нас за них кланет и самый близкий друг.

Мы знали, и не раз душа у нас болела,
В тоске сжималась грудь, и сердце страх
терзал,
Но раны жгучие измученного тела,
Но смех и клевета не помешали делу,
И молота никто из рук не выпускал.

Вот так мы все идем, в одно мечтою слиты,
А молоты в руках, и думается нам:
Пускай мы прокляты и светом позабыты,
Но мы дробиим скалу, готовя путь открытый
Счастливицам, что пройдут по нашим костям.
1878.

«Мы любим великий русский народ и желаем
ему всяческого добра, любим и изучаем его язык
и читаем на этом языке... И русских писателей,
великих светочей в духовном царстве, мы знаем
и любим... Мы любим в русской духовной со-
кровищнице драгоценные золотые зерна, но от-
личаем их от мякнны, от шлака, от плодов тем-
ноты... И в этом мы чувствуем себя солидар-
ными с лучшими сынами русского народа».
Иван ФРАНКО.

Еще скажите, а зачем
Хотят разрушить этот строй?
Затем, что властвует богач
И гнется труженик немой;
Еще затем, что честный труд
Унижен вами, оскорблен,
Хоть весь общественный уклад
Содержит, оживляет он;

Затем, что тунеядцы пот
И кровь рабочую сосут;
Затем, что с кафедр, с алтарей
Не ясный свет — потемки льют;
Затем, что льют живую кровь
Для прихоти царей, господ;
Живут, как боги, палачи,
И хуже пса — бедняк живет.

Еще скажите, как наш строй
Решили переделать мы?
Не силою оружия,
Огня, железа и войны,
А правдой, творческим трудом,
Наукой. Если же война
Кровавая поднимется —
Не наша будет в том вина.

Еще скажите, кто из вас
Посмеет отказать нам в том,
Что правду все мы говорим,
Что прямо, честно мы идем
За истиной... Скажите все,
Мы все сумеем вынести,
Тогда «закона» именовем
Вершителя суд без милости!
1880.

Не за царство тиранов, царей,
Не за церковь, попов или бога,
Не за власть кровопийц-богачей.

Наша цель — это счастье людское,
Светлый разум без веры в богов,
Братство крепкое и мировое
И свободные труд и любовь!

Нужно твердо в бою нам
держаться,
Не смущаясь, что пал первый ряд,
Хоть по трупам вперед
продвигаться.
Ни на шаг не ступая назад.

Это бой наш последний. Тут
в споре
Человек против зверя встает,
Тут свобода неволю поборет,
«Царство божье» на землю сойдет.

Но просить мы не станем у бога:
«Да придет к нам царство
твое!» —
Там молитва плохая подмога,
Где лишь разум крепит бытие.
Даст не бог это царство нам
сразу.

Не святые с небес приходят,
Утвердит его властный наш
разум.
Наша воля и общий наш труд.
1878.

«По дороге из Борислава в Дрогобыч». Иллюстрация художника
С. Ф. Адамовича к повести Ивана Франко «Борислав смеется».
Слева — титульный лист журнала «Світ» за 1881 год; справа —
титульный лист журнала «Світ» за 1882 год. В этих номерах журнала
впервые печаталась повесть Ивана Франко «Борислав смеется».

Тут другой: «Ой, вы избрали
Скользкую дорогу!
Вам социализм приснился,
Неугодный богу».

Нет, не может коммунизма
Быть на небе, отче,
Ибо личная свобода —
Дар превыше прочих!

Должен каждый жить, как хочет,
Избирать свой жребий,
И чтоб сам себе хозяин
Каждый был на небел!

«Ой, отец! — промолвил первый, —
Впрямь, чудак вы истый!
Если посмотреть, вы бога
Вперли в анархисты».

Если только людям волю
Бог на небе дал бы,

«Здравствуй, отче!»
«Ну, я на том свете!» —
«Слава богу! Что ж, и мяго
Ты чудес там встретил?» —

«Очень много!» — «А как же?
Расскажи мне, отче!
Ведь постичь все тайны божьи
Любопытно очень!»

Дух в ответ: «Постичь их могут
Лишь святые души.
Не твои нужны на это
И глаза, и уши».

А тогда, когда мы ночью
Спор такой загнали,
То мы оба, друг любезный,
Пальцем в небо ткнули,

Там того, что мы болтали,
И в помине нету!...
Там совсем, совсем иначе...
И исчез на этом.

ДВА ПАНКА

Два панка пошли гулять.
На детишек изможденных,
На измученную мать
Поглядели с видом сонным.
И, качая головой,
Старший рек: «Эх, голь кака!»
Но тотчас за ним второй
Возглашает: «Вот лентяя!»

«Кто лентяя?» — «Да народ!
Край родной на шпик меняет».
Первый: «Нет, виновен тот,
Кто их дальше не пускает».
«Не пускает их? Так пойдут
Все за сине море дуру!» —
«Что ж им делать, если тут
Сообща дерем с них шкуру?»
Разлучила нас толпа.
Долго те панки в запале
И впадал и невпадал
Про «лентяев» рассуждала.

КАМЕНЩИК

Рассказ

Ах, этот стук, этот грохот, эти
крики на улице, как раз против мо-
его окна, — они прогоняют всякую
мысль из моей головы, не дают мне
ни на минуту покоя, отрывают от ра-
боты. И некуда мне деваться, некуда
спрятаться от этого неугомонного
стука: с утра до вечера не смолкает
он, а когда я ложусь спать, заму-
ченный за день жарой, то ясно слы-
шу его даже во сне. И уже целых
два месяца так, подумайте! С тех
пор как против моих окон начали
строить этот несчастный каменный
дом, я не написал ни одной строки,
а стук и грохот не утихали в моих
ушах.

Не будучи в силах сам что-либо
делать, сижу день-деньской у окна и
смотрю на работу других. От движе-
ния, беготни, работы нескольких де-
сятков человек, которые толкуются в
этом тесном месте, словно муравьи,
исчезает нервное раздраже-
ние. Я успокаиваюсь, глядя, как мало-
помалу под руками этой массы
рабочего люда растет громадное зда-
ние, как поднимаются все выше его
стены, как шипит и дымится известь,
которую гасят в больших дощатых
ящиках и спускают после того в
ямы, как каменщики оббивают кир-
пичи, приспособляя их к надлежав-
шему месту, как женщины и девуш-
ки носят цемент в ушатах, наде-
тых на палку, как подручные, со-
гнувшись в дугу, на деревян-
ных носилках, положенных кон-
цами на оба плеча, поднимают кир-
пичи вверх по лесам. Вся тяжкая,
каждодневная работа этих людей
плывет передо мною, как плывут тучи,
и, слыша крики, шутки и разгово-
ры, я забываю сам себя, словно
тону в каком-то безбрежном непро-
глядном тумане, и быстро, неслучайно
проносится час за часом, день за
днем.

Только нарядчики со своим кри-
ком, бранью, угрозами и самоуправ-
ством над рабочими вызывают меня
из этого тумана, напоминают о жи-
вой, скверной действительности. Их
лишь два, но кажется, что они вездесу-
щи; все рабочие замолкают и

сгибаются там, где который-нибудь
из них проходит. Ничем им не удо-
вить, ничто им не нравиться, на все у
них готова брань, готово гневное,
презрительное слово. А пусть толь-
ко рабочий посмеет ответить, защи-
щаться или заступиться за товари-
ща, — тотчас лицо господина наряд-
чика наливаются кровью, изо рта
брызжет слюна, и достается же тогда
от него провинившемуся! И то
еще хорошо, если ему позволяют му-
читься дальше и не прогонят в ту
же минуту с работы! Ведь они тут
полные господа, их власть над ра-
бочниками безгранична, а выгнавши
одного, они тотчас же находят чет-
верых, которые даже напрашиваю-
тся будут на место прогнанного. О,
нынешнее лето для нарядчиков даст
обильную жатву! Выбери только и
от платы урвай сколько хочешь,
ничего не скажут рабочие, а если
который-нибудь захочет пожаловаться
архитектору, — ступай прочь,
пропадай с голоду, если не хотел
быть покорным.

Однажды, когда я, как обычно,
посматривал на работу, сидя у окна,
раздался крик на самой стене фаса-
да. Причины крика я не видел, —
заметил только, как нарядчик ки-
нулся к одному рабочему — мрач-
ному, высокому каменщику средних
лет — и начал ругать его самыми
последними словами. А тот — ниче-
го, наклонился и продолжает свою
работу. Но нарядчика это упорное,
упрямое молчание рассердило еще
больше.

«Вор ты, босяк, арестант, сей-
час же убирайся у меня отсюда!» —
кричал взбеленный нарядчик,
все ближе и ближе насканивая на
рабочего.

Я видел, как понурое, наклоненное
над кирпичами лицо рабочего все
больше краснело, словно огнем нали-
валось. Он стиснул зубы и молчал.
— Сто раз должен я тебе гово-
рить, висельник ты, голодранец,

разбойник, а?
Марш отсюда, в
минуту собирайся,
нечто прикажу вы-
швырнуть тебя!»

Рабочий, видимо, боролся с собою;
лицо его даже посинело. Наконец, не
выпрямляясь, поднял он немного го-
лову и тихо, с невыразимым презре-
нием в каждом звуке прошептал:
— Мужик и будет мужиком! Не
дай, боже, из мужика пана!

Нарядчик на минуту словно за-
стыл на месте при этих словах. Оче-
видно, поговорка поразила его в са-
мое больное место: он был из кре-
стьян и теперь, ставши «господином
нарядчиком», сильно стыдился сво-
его происхождения. После минутного
остворбления его взорвало с но-
вой силой:

— Так? Так ты обо мне? Подожди
же, я тебе покажу! Я тебя проучу!
Марш!

Рабочий не двигался с места и
продолжал работать.

— Убирайся, опришок! Провали-
вай ко всем чертям, нечего велю по-
лицию позвать!

Рабочий упорно гвоздил киркою
о кирпич. Тогда нарядчик подскочил
к нему, вырвал кирку у него из рук
и пивнурил на улицу. Освирепевший
каменщик заскрипел зубами и вы-
прямылся.

— Хам! — крикнул он. — Какого
беса ты ко мне прицепился? Чего ты
от меня хочешь?

— А! Так ты угрожаешь? — ряв-
кнул нарядчик. — Караул! Караул!
Разбой!

На этот крик прибежал другой на-
рядчик, и вдвоем, соединенными си-
лами, они накиннулись на каменщика.
Тот не оборонялся. Удары кулаком
посыпались на его спину; прожвжа-
емый пинками, немой от гнева и
отчаяния, он сошел с лесов и взял
на плечи свой мешок с инструмен-
тами.

Другие рабочие, видевшие все это,
молча работали, склоненные над
кирпичом и закусив губы. Никто из
них и не пикнул.

— Из хамы не будет пана! —
крикнул на прощание каменщик уже
с улицы. На лице его еще раз пока-
залась насильственная усмешка, но
в это же время в глазах заблестали
на солнце слезы.

— Гляди, не сломай себе шею,
опришок. Добручку проклятый! —
крикнул нарядчик со стены и погро-
зил каменщику кулаком.

На другой день встал я рано и
выглянул в окно. На улице было
еще тихо. Рабочие понемногу сходи-
лись к месту постройки. Я сильно
удивился, увидев между ними про-
гнанного вчера каменщика. Занте-
ресованный, я стал смотреть, что из
этого выйдет, когда придет наряд-
чик. Рабочие мало разговаривали
между собою, а к прогнанному и
совсем никто не подходил, он одно-
ко стоял в стороне у забора. Но вот
и нарядчик пришел, почему-то пых-
тя, как кузнечный мех. Он быстро
оглядел рабочих, его гневный взгляд
остановился на прогнанном вчера
каменщике.

— А ты, опришок, снова тут? Тебе
чего надо? Кто тебя звал?

— Господин нарядчик, — отзы-
вается рабочий, подходя на два ша-
га (среди общей тишины слышно,
как дрожит его сдвоенный го-
лос), — господин нарядчик, подумай-
те! Что я вам сделал? За что вы
меня хлеба лишаете? Ведь вы знае-
ете, что я теперь работы нигде не
найду, а дома...

— Марш от меня каторжная мор-
да! — рявкнул нарядчик, которому
сегодня не по нраву была покор-

ность, как вчера — упорное, угрю-
мое молчание.

Каменщик повесил голову, взял
подмышку свой мешок с инструмен-
тами и пошел.

Целую неделю после того видел я
поутру эту сцену на улице. Прогнан-
ный каменщик, очевидно, нигде не
мог найти работы и каждое утро
приходил просить нарядчика, чтобы
тот его взял. Но нарядчик был
тверд, как камень. Никакие мольбы,
никакие заклинания не трогали его,
и чем больше каменщик гнул себя и
склонялся перед ним, чем глубже
западали его померкшие глаза, тем
презрительней держал себя с ним
нарядчик, тем более гнусными и
уничижительными словами носился
он беднягу. А тот, несчастный, после
каждого отказа только стискивал
зубы, брал молча подмышку свой
мешок и уходил, не оглядываясь,
словно боялся какого-то страшного
искушения, что так и влекло его к
дурному поступку.

Случилось это под вечер в субботу.
Нежданный дождь захватил меня
среди улицы, и я был принужден
укрыться в ближайший шиннок. В нем
не было никого; грязная, затхлая
комната была еле освещена одною
лампою, которая печально покачива-
лась у потолка, а за стойкой дрема-
ла старая, толстая еврейка. Огля-
нувшись по углам, я — вот не ожи-

ГІМН

Вічний революціонер —
Дух, що тіло рве до бою,
Рве за поступ, шастя й волю,
Він живе, він ще не вмер.
Ні повісній тортури,
Ні тюремні царські мури,
Ні війська муштровані,
Ні гармати лаштовані,
Ні шпіноське ремесло
В гріб його ще не звело.
Він не вмер, він ще живе!
Хоч від тисяч літ родився,
Та аж вчора розповнівся,
І о власній силі йде.
І простується, міцніє,
І спить туди, де дніє:
Словом сильним, мов трубою,
Міліони зве з собою,
Міліони радо йдуть,
Бо се голос духа чує.

Голос духа чути скрізь:
По курних хатах мужицьких,
По вистартах ремісницьких,
По міських недолі й сліз.
І де тільки він роздається,
Щезнуть сльози, сум, нещастя,
Сила родиться й завзята —
Не ридать, а здобувати,
Хоч сінам, як не собі,
Кращу долю в боротьбі.
Вічний революціонер —
Дух, наука, думка, воля
Не уступит п'яній поля,
Не дасть спутатись тепер.
Розвалилась зла руїна,
Покотилась лавина,
І де в світі тая сила,
Щоб згасила, мов огонь,
Розвидняючий день?

И пиршеств роскоши и страсти,
Чтоб нервы млади, дух спирало,
Бровь закинула огневая
И сердце пылао, омерзало,
Богда ты в этом видишь счастье,
То не люби меня, родная!

О, не люби меня, родная,
Когда ты хочешь жить в покое,
Как сад плодовый над рекою,
Детей растить и понемногу,
Тяжонько вынести их в люди,
Приданым дочек награждать,
Благословить невест в дорогу.
Со мною вряд ли это будет...
Нет, не люби меня, родная!

Бою я, рыбка золотая,
Простой работник твердорукий,
И ждуть меня труды и муки,
И бури ждуть меня на свете.
И, может быть, ладья потонет,
В которой плыть нам, жизнь встречая...
Но если страх тебя не тронет
И можешь взять ты весла эти, —
Тогда люби меня, родная!
1883.

ПИСЬМО ЛЮБВИ

Настанет день, давно-давно желанный:
Я вырвусь, чтобы встретиться с тобой,
Порву оковы фальши и обмана,
Наложённые низою людской,
Порву все путы — будь они канаты!
Постыдного смиренья сброшу крест!
И докажу, что наше чувство — злато,
Которого и ржавчина не съест.

Настанет день, когда, смеясь и плача,
В твои объятия снова кинусь я,
И подтвердит мне поцелуй горячий,
Что ты — моя! что ты навеки моя!
Моя — навеки! Все исхищенна ада
Церковного нас не разделяет вновь!
Где ваши узы, люди, где преграды?
Земных преград не ведает любовь!

Все путы, все тенета, все оковы, —
Настанет миг, — любимая, порвем!
Отраву злого взгляда, злого слова
Из сердца выльем, и навеки сотрем
Малейший след убийственных обид,
Которые, как черви, нас точили,
Пусть даже мысль о них не омрачит
Счастливец — тенью вороновых крылий!

Настанет день, когда, подобно нам,
Сквозь вековечный мрак пробившись, люди
Пробудятся и, ветхий сбросив хлам,
Теснивший их, освобожденной грудью
Прижмутся к другу — друг и к брату — брат,
И расцелуются с любовью братской,
И станет страшной сказкой для ребят
Наш ветхий мир насилия и рабства.

так обижать бедного человека!
Кум, выпивши пиво, снова скла-
нил голову и качал ею, словно дре-
мал.

— Так уж, — заговорил несмело
каменщик, — будь милостив, в по-
недельник... того... Сам видишь, куда
бедному человеку деться? Неуж-
то пропалать с женою и детьми?

— А что, прикажешь дать еще
кружку? — прервал его речь наряд-
чик.

— А, и точно, и точно! Эй, еще
кружку пива!

Шинкарь принесла пиво, наряд-
чик выпил его и вытер губы.

— Ну, так как же будет? — спро-
сил тревожно каменщик, пытаясь
взять нарядчика за руку и загляды-
вая ему в лицо.

— Как будет? — ответил тот хо-
лодно, вставая и собираясь выхо-
дить. — Спасибо тебе за пиво, а на
работу в понедельник не для чего
тебе приходить, я уже взял другого.

А затем, — эти слова сказал он уже
около дверей шинка, — я таких
опришков, таких висельников, как
ты, не пишу!

И нарядчик одним шагом очутил-
ся на улице, захлопнув за собою
двери шинка.

Несчастный каменщик стоял, сло-
вом громом пораженный, услышав эти
слова.

Долгую минуту стоял он недви-
жимо, не зная, что и думать. Потом
очулся. Какая-то дикая мысль блес-
нула в его голове. Он одною рукою
схватил стол, за которым сидел, от-
ломал от него ножку и затем замах-
нулся ею над стойкой. Звон, дребезг,
хруст, крик еврейки, возгласы сбе-
гающих людей, крик полицейско-
го — все слилось в дикий, оглуша-
ющий хор. Через минуту несчаст-
ный каменщик очутился среди тол-
пы торговцев, которая просто ревели
и визжала от гнева, и они с большим
шумом отдали «сумасшедшего» и бес-
новатого разбойника» в руки поли-
ции. Грозный страж общественной
безопасности ухватил его за плечи и
толкнул вперед себя. Рядом с поли-
цейским потащилась перепуганная
досмерти шинкаря, оставившая вме-
сто себя в шинке какую-то другую
еврейку, а вокруг них с воплями и
криком целая толпа уличных обо-
равнев повалила к участку.

1878 г.